

В. ШКВАРКИН

*Последний
день*

ИСКУССТВО

В. ШКВАРКИН

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

(Проклятое кафе)

ПЬЕСА В ТРЕХ АКТАХ,
ШЕСТИ КАРТИНАХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ИСКУССТВО»

Москва 1945 Ленинград

34101.

Обложка художника
А. Сурикова

Редактор М. Горячкина

А15993 Подписано к печ. 17/V 1945 г. „Искусство“ № 2854 Кол. печ.
л. 27/8 Уч.-изд. л. 2,7. Зп. в 1 п. л. 37.640 Гираж 3000. Зак. 400.
Цена 3 руб.

Тип. „Красный печатник“, Москва, ул. 25 Октября, д. 5

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

Нюра Завьялова	}	<i>служащие в кафе.</i>
Ольга Павловна		
Казанцева		
Лида — ее дочь		
Василий Максимович	}	
Градусов		
Коля — скрипач, 17 лет.		
Петр Петрович Баскаков — владелец кафе.		
Владимир Иванович Казанцев — врач.		
Алексей Николаевич Арсеньев.		
Савелий Михайлович (дядя Савелий).		
Валентин Макарович Пряжкин.		
Мышеловский — солдат германской армии.		

Д а р л и ц — обер-лейтенант } офицеры германской армии.
П а у л ь с е н — капитан }

З и н а.

Ф е д я — подросток на костылях.

Н и щ и й художник.

С т а р ш и й лейтенант.

М л а д ш и й лейтенант.

Бездомные русские. Немецкие солдаты

Время действия — лето 1944 года.

А К Т I

Картина первая

Небольшое кафе. Несколько столиков. Слева — входная дверь, вешалка и окно, закрытое шторой. Против зрителя — стойка. За нею на стене полки с бутылками и кондитерскими коробками. В той же стене — дверь, ведущая в жилое помещение. Справа — маленькая эстрада; на ней пианино и виолончель в чехле. Ближе к зрителю — дверь в кладовую.

Вечер. Яркий электрический свет. За стойкой — Ольга Павловна. Лида убирает посуду со столика. У входной двери, прислонясь к стене и заложив руки за спину, — Нюра. На эстраде — Коля, щедедушный подросток в черной куртке, из которой он вырос. Коля со скрипкой. Тихонько пробует смычком струну.

Ольга Павловна (по телефону). Пекарня? Кондитерская? Говорят из кафе на

Иоганштрассе... Из кафе на Иоганштрассе... Ну да, с Ивановской улицы. Я звоню четвертый раз, послала к вам нашего швейцара... Почему до сих пор не привезли хлеба в кафе? Что? Хлеб ушел в другую сторону? (*Опускает трубку.*) В пекарне кто-то сошел с ума!

Нюра. «Хлеб ушел в другую сторону...» Так и сказали?

Ольга Павловна. Ну да. Я ничего не понимаю. Коля, где же остальные музыканты? Почему они не пришли?

Коля. Не знаю. Я пришел вовремя. (*Продолжает чуть слышно наигрывать.*)

Ольга Павловна. Но вы же один не можете заменить трио? Коля, голубчик, сходите за ними.

Коля. Пожалуйста, я схожу. (*Идет к вешалке, останавливается, неожиданно кричит.*) Я знаю, знаю, почему они не пришли! Сейчас проверю! (*Хватает с вешалки кепку и убегает.*)

Ольга Павловна. Что вы знаете? Коля, Коля!.. Ничего не понимаю. Музыки нет, швейцара нет...

Нюра. Не добомбили вас, Ольга Павловна.

Ольга Павловна (*обиженно*). Меня не добомбили?

Нюра. Вы не обижайтесь, только вас, действительно, не добомбили. Музыкантов нет —

волнение, швейцар не идет — опять страхи... И это при нашей смертельной жизни...

Лида. Ну, для вас-то она не «смертельная», а, пожалуй, даже приятная. Немецкие офицеры за вами ухаживают...

Нюра (вызывающе). Да, красота — это страшная сила.

Лида. У вас, кажется, и жених — немецкий ефрейтор. Конечно, вы ничего не боитесь.

Нюра. Нет, боюсь. Чересчур интеллигентных барышень боюсь! (Идет к двери в кладовую, поворачивает выключатель на притолоке и скрывается в освещенной кладовой.)

Ольга Павловна. Лида, опять? Зачем ты ее сердишь? Мы же не знаем эту Нюру. Служит она здесь всего две недели...

Лида. Хорошо, мама. Я не буду.

Входит Василий Максимович.

Ольга Павловна. Вы были в пекарне? Василий Максимович. Был.

Ольга Павловна. Ну?

Василий Максимович (значительно). Пекари ушли.

Лида. Куда ушли?

Василий Максимович. Адреса не оставили.

Ольга Павловна. Я ничего не понимаю. Говорите толком, подробно.

Василий Максимович. Извольте. Иду я в пекарню, мимо взорванного квартала, смотрю, и вижу: точь в точь развалины Колизея при лунном свете.

Ольга Павловна. О, господи! А вы настоящий Колизей видели?

Василий Максимович. Ну, не видал. Но от этого сходство только увеличивается. *(Оглядел кафе. Громким шопотом.)* Ушли пекари! В лес ушли! Вы знаете, где фронт? Думаете там? *(Указывает.)* Вон он где! *(Показывает в сторону под прямым углом.)*

Ольга Павловна *(от неожиданности садится)*. Как же по радио говорили?

Василий Максимович. Это они говорили. А сами вы не слышали, где стреляют? Давайте карту.

Лида *(достает из-за стойки карту и раскладывает ее)*. Василий Максимович, неужели правда? Наконец-то!.. *(Теребит Ольгу Павловну за рукав.)* Мама, вы слышите?

Василий Максимович *(над картой)*. Наши не прямо на город двинулись, а... позвольте булавочку *(берет у Лиды булавку, показывает)* ...а с севера и с юга обошли. И теперь немцам из города надо уходить. Понимаете?

Освобождается последний русский город! (*Оглянулся, понизил голос.*) Последний город!

Ольга Павловна. Покажите мне. Такая маленькая карта и столько на ней страданий...

Все склонились над картой. Из внутренней двери тихо входит обер-лейтенант Дарлиц.

Василий Максимович. Видите?

Ольга Павловна. Где наши?

Василий Максимович. Вот.

Ольга Павловна. А немцы?

Дарлиц. Здесь!

Все отпрынули.

Сдаете город? Кто воткнул булавку? (*Ударяет по карте стэком.*)

Ольга Павловна. О, булавка сама воткнулась. От неожиданности. Вы ее извините.

Молчание.

Дарлиц. Ждете? Ждете «своих»? Эта встреча не состоится. Если мы даже оставим город, ваша встреча со «своими» не состоится. (*Уходит во внутреннюю дверь.*)

Ольга Павловна. «Не состоится»... Что это значит? Мы даже не знаем, когда можно начать радоваться!

Лидя. Я помню: в зоопарке стеклянный ящик, а в нем — змея. Черная. И здесь же, ря-

дом со змеей, мыши, маленькие мыши... Роются лапками в песке... Может быть, корма ищут. А над стеклянным ящиком — лампа. Вот такой же яркий, голый свет, как в этом проклятом кафе. Какая отвратительная обреченность! И так три года...

Василий Максимович. Лидия Владимировна, не впадайте в мышинное настроение. Если он по карте стучит, это хорошо, если пугает, тоже хорошо. Значит, эту самую змею скоро...

На пороге вновь Д а р л и ц.

(Снимает фуражку.) Приветствую вас!

Д а р л и ц. Виноват. Доктор еще не вернулся?

Ольга Павловна. О, нет еще!

Д а р л и ц. Не откажите прислать мне кофе наверх.

Ольга Павловна. О, сию минуту.

Д а р л и ц. Кофе мне принесет... Лида..

Ольга Павловна. О, господин обер-лейтенант! Она устала... О, разрешите я принесу кофе?!

Д а р л и ц. Вам это доставит удовольствие?

Ольга Павловна. О, да, господин обер-лейтенант.

Д а р л и ц (коротко хохочет). Хорошо. (Уходит.)

Лид а. Мама, зачем вы «о» прибавляете? «О, нет», «О, сию минуту».

Ольга Павловна. Я надеюсь, что это «о» его хоть немного обезоружит. Три года агонии! (Ставит на поднос кофейный прибор, уносит его за Дарлицем.)

В кафе входит Мышеловский, молодой солдат германской армии. Он иногда не сразу понимает русскую речь. Говорит со смешанным акцентом.

Мышеловский (кланяется Лиде). Здравствуйте!

Лид а кивает и уходит.

Здравствуйте, господин Градусов.

Василий Максимович. Здравствуй, господин Мышеловский.

Мышеловский (тревожно). А где Нюра? Нюра Завьялова?

Василий Максимович. Здесь она, здесь. (Кричит.) Нюра, «жених» пришел.

Нюра выходит из кладовой. Мышеловский радостно кланяется. Нюра говорит с ним громко, как с глухим.

Нюра. А, Мышеловский!.. (Весело.) Я думала, тебя убили.

Мышеловский (сияя улыбкой). Убили? Нет, я живой.

Нюра. Ну, значит, скоро убьют.

Мышеловский. Разрешите сесть?

Нюра. Дерутся, грабят, а присесть разрешение спрашивают. Тебе чего подать?

Мышеловский *(приподнимаясь)*. Кофе, коньяк, пожалуйста.

Из внутренней двери входит Ольга Павловна. Мышеловский и ей кланяется. Нюра подходит к стойке.

Нюра. Один раз кофе, один раз коньяк.

Ольга Павловна *(отпускает заказ)*.
Василий Максимович, не будем им мешать.

Нюра. И хорошо сделаете.

Ольга Павловна уходит.

Василий Максимович. Ох, дерзка!
(Уходит за Ольгой Павловной.)

Мышеловский *(кивая вслед Ольге Павловне)*. Злющая?

Нюра. Нет. Только чересчур интеллигентная. *(Ставит перед Мышеловским заказанное.)*
Ты что? Опять свататься пришел?

Мышеловский. Опять, да.

Нюра. Я за бродягу не пойду. Еще рюмку налить, всемирный путешественник?

Мышеловский. Прошу, пожалуйста. У меня на родине своя земля есть. Я наполовину чех, наполовину поляк. *(Оглянувшись.)* Только там сейчас восстание.

Нюра. Ну-у? Папа твой, что ли, взбунтовался? Тогда ты должен итти его усмирять.

Мышеловский (ударяет ладонью по столу). Зачем такие слова! Каждый раз такие слова!

Нюра. А что? Я верно сказала. Ты немецкий солдат или нет? Велят тебе папаньку усмирить — и усмиришь. И не смей на меня по столу стучать. Ты сюда свататься или скандалить пришел?

Мышеловский. Пришел свататься. Извиняюсь.

Нюра. Жених... Ты же на-днях : отсюда дальше побежишь. Значит, и я за тобой? Это не свадьба, — одна беготня! Убьют тебя, Мышеловский!

Мышеловский. Ха... Я такой девушки нигде не видал.

Нюра. И нигде не увидишь. Ладно, сделаю тебе снисхождение: можешь притти попроситься.

Мышеловский. Прощаться?

Нюра. Вы же уходите. Ну? Мне-то можешь сказать?

Мышеловский. Приказа нет, приказа не было.

Нюра. А когда будет, придешь?

Мышеловский. Приду.

Нюра. Дурачок.

Мышеловский. Не знаю, как сказать

по-русски. Я могу поступить грубо... Любовь не позволяет. А Нюра может надо мною все!

Нюра. Да, красота — это страшная сила. Погляжу я на тебя...

Мышеловский. И что?

Нюра. Убьют тебя, Мышеловский!

Мышеловский. Все равно не сержусь. (Встает.) Нюра для меня, как цветок или маленькая птица. Нюра...

Входит капитан Паульсен. Мышеловский вытягивается.

Паульсен. Это кафе не для нижних чинов. (Щелкает пальцами.)

Мышеловский делает поворот и выходит. Вбегает Василий Максимович и принимает от офицера фуражку.

Нюра. Вот тебе и птица! (Подходит к севшему за столик офицеру, говорит с ленивым безразличием). Кофе? Коньяк?

Паульсен. Кофе. Коньяк. (Поднимает два пальца.)

Нюра. Один раз кофе, два раза коньяк. (Подает офицеру кофе.)

Вбегает Коля, кричит еще с порога.

Коля. Ольга Павловна! Лида! Музыканты не придут! (Видит офицера, смолкает.)

Паульсен. Почему не придут музыканты?
Коля. Они... заболели.

Паульсен (Коле). Играйте вы.

Коля. А кто же на рояле?

Паульсен (указывая на Нюру). Играйте вы!

Нюра. А вы меня научили?

Паульсен (указывая на Василия Максимовича). Играйте вы! (Указывая на Ольгу Павловну.) Играйте вы!

Ольга Павловна. О, я когда-то немного играла...

Паульсен. Играйте немного.

Ольга Павловна и Коля начинают играть вальс.
(Рассматривает Нюру, выпивает, потом оборачивается к музыкантам.) Медленнее, печальнее!
(На несколько секунд опускает голову на стол. Выпрямляется.) Теперь быстрее.

Музыканты повинуются.

Еще быстрее! (Смотрит на Нюру, вырывает из блокнота листок, пишет.) Бравурнее!

Ольга Павловна старается, но не успевает.

Довольно!

Музыка обрывается.

(Кладет деньги на стол и протягивает Нюре листок.)

Н ю р а. Это что?

Па у л ь с е н. Читайте!

Н ю р а. «Гогольштрассе, номер 12, 10 часов вечера. Капитан Паульсен». Ну?

Па у л ь с е н. Сегодня придете. В гости.

Н ю р а. И не ждите. Чего не могу, того не могу. *(Убирает записку в сумочку, которую взяла с прилавка.)*

Па у л ь с е н. Что?

Н ю р а. Вы, герр капитан, полковника фон Берга знаете?

Па у л ь с е н. О, да!

Н ю р а. Так вот, полковник ко мне чересчур ревниво относится. Понятно?

Па у л ь с е н. О-о!

Н ю р а. И даже разговоры мне запретил. А если, говорит, какая сволочь...

Па у л ь с е н. Что-о?!

Н ю р а. Это полковник, полковник говорит: если какая сволочь будет ко мне приставать, чтобы я немедленно ему жаловалась. Нох эйн маль коньяку?

Па у л ь с е н. Нет, благодарю. *(Встает, идет к двери, вынимает из кобуры револьвер; не выбрав мишени, вяло сует револьвер в кобуру и выходит.)*

К о л я. Ольга Павловна! Наши музыканты!..

Ольга Павловна. Коля, подите сюда!

Нюра с презрительной гримасой уходит, унося посуду.

Коля (подошел). В чем дело?

Ольга Павловна (кивая на дверь, о Нюре). Мы ее мало знаем.

Василий Максимович. Это вы про нее напрасно...

Ольга Павловна. Ну, говорите.

Коля. Я к ним бегал. Ушли из дома три часа тому назад. Сказали, что в кафе. Понимаете? Они или спрятались или совсем из города ушли!

Василий Максимович. И пекари и музыканты.

Ольга Павловна. А мы? Нам что делать?

Коля. Надо уходить. Но как? Там заставы...

Входит Нюра. Коля надевает кепку.

Ольга Павловна. Коля, вы завтра сюда придете?

Коля. Не знаю... У меня зубы начинают болеть.

Нюра. Дурачок.

Коля (кричит). Я прошу быть повежливее!

Нюра. Тайковенная железная маска.

Коля. А вы...

Ольга Павловна. Коля! Коля!

Коля бежит к выходной двери.

Нюра. А скрипку здесь оставляешь?

Коля неловко возвращается, берет скрипку.

Ох, просвечивает твоя железная маска...
(Ольге Павловне.) Я за посудой пошла.

Коля ушел. Нюра уходит во внутреннюю дверь.

Василий Максимович. Заметили? Немец нацелился и не выстрелил. Опять хороший знак. День, с большой буквы День приближается, Ольга Павловна! Потом это число во всех календарях золотой краской выкрасят. И мы снова людьми станем. Разве мое призвание вешалка? Нет, я опять на эстраду вернусь. Ведь обо мне даже в газете писали. Замечательные отзывы были. *(Вынимает истлевшую по сгибам вырезку.)* Вот... *(Читает.)* «Все номера прошли с успехом *(восторженно)*, если не считать выступления автора-куплетиста Градусова, которое заставило желать лучшего».

Ольга Павловна. Ну?

Василий Максимович. Вы понимаете, какой концерт был, если мое выступление заставило желать лучшего?!

Ольга Павловна. Но вас-то обругали?
Василий Максимович. Пускай ругают.
Хоть каждый день из номера в номер, только
бы то время вернулось! Я это сочувственное
ругательство как святыню храню.

Нюра вносит чистую посуду. Входит нищий художник, молча снимает шляпу. Бережно держит что-то, завернутое в обрывок газеты.

Ольга Павловна. Вам что?

Нюра. Хоть говорить-то его не заставляйте: «что»... *(Берет большой кусок хлеба, подает нищему.)*

Художник. Большое спасибо.

Василий Максимович *(берется за газету, которую держит художник)*. Позвольте, хлебец заверну.

Художник. Осторожно. Здесь моя картина. То есть осколок моей картины. Вчера они взорвали Дом пионера. Там на стене я писал: «Весенний праздник». *(Развертывает, показывает плоский кусок штукатурки.)* Вот я поднял... Два лепестка, два обожженных лепестка. Все, что осталось от «Весеннего праздника».

В кафе быстро входит Петр Петрович Баскаков. На нем расстегнутое легкое пальто.

Баскаков. Опять нищим подаете? *(Василию Максимовичу.)* Зачем пускаешь?

В а с и л и й М а к с и м о в и ч (выпуская нищего). Это бывший художник... В виде исключения.

Б а с к а к о в. Гнать их без исключения. (Нюре.) Полбуханки отвалила. (Подходит к стойке, наливает, пьет.)

Н ю р а (кладет на стойку деньги, говорит равнодушно, как всегда при расчетах). Один раз милостыня. Получите.

Б а с к а к о в (спокойно). Уволю.

Н ю р а. Если успеете.

Баскаков сделал вид, что не расслышал.

О л ь г а П а в л о в н а. Свежего хлеба не привозили, музыканты не пришли.

Б а с к а к о в. Музыканты... А что играть? Что им теперь играть? (Музыки такой еще не сочинили.

В а с и л и й М а к с и м о в и ч. Петр Петрович, что в городе слышно?

Б а с к а к о в. Поди и послушай. (Берет телефонную трубку, набирает номер.) Господин Шульц? Гутен абенд. Говорит владелец кафе с Иоганштрассе, негоциант Баскаков. Разрешите явиться для личного объяснения. По телефону? По телефону не совсем удобно... Слушаюсь. Мою племянницу Катерину Баскакову взяли в дом... так точно, в заведение для солдат. Но

поскольку она — девушка интеллигентная, с законченным средним образованием, очень прошу перевести ее в офицерское отделение.

Пауза.

Покорно благодарю. (*Кладет трубку, смотрит на всех.*) Кто смеялся? (*Василию Максимовичу.*) Ты смеялся?

Василий Максимович. Помилуйте, я серьезно стоял, вот при вешалке.

Нюра. Ох, и зарезала бы я вас на месте племянницы!

Баскаков. Верно. Следует. Ты думаешь, мне когда снилось за такой протекцией обращаться? Сейчас сюда шел, башку поднял, а надо мной — звезды. Несовместимо! Погасить, погасить по распоряжению комендатуры! (*Наливает, пьет, оглядывается.*) Всю жизнь ни у кого совета не спрашивал, теперь советуйте. Ну?

Ольга Павловна. Вы о чем, Петр Петрович?

Баскаков. А сами не понимаете? О чем... С ними уходить или оставаться?

Молчание.

Ну, общался я с ними... (*Василию Максимовичу.*) А ты не общался?

Василий Максимович. Я при вешалке. Впущу трезвого, выпущу пьяного — все мое общение. Я в это дело души не вкладывал. Вот коль бы я не вешалку, а эстраду обслуживал, если бы я художественное слово против своих обратил, вот тогда бы и я на небо взглянуть не осмелился!

Баскаков. А я, я что делал? Ну, кофейню открыл, ну, камешки, меха покупал, продавал...

Нюра. (А больше ничего не продавали?

Баскаков. По-твоему, родину, да? Родину продал Баскаков? Ну, где, когда, говори! Ну, общался с немцами. А своим разве я не помогал? Куда бы вы все без меня девались? Дочка ваша, Лидия Владимировна, где бы теперь была? Я и Владимира Ивановича, супруга вашего, уважаю. Помню, как он меня вылечил.

Нюра. Значит, и хорошие (доктора ошибаются.

Баскаков. Убил бы я тебя, — некогда. Ну, один раз промахнулся. Но людям-то я помогал?

Василий Максимович. И один таракан может испортить целую кружку пива.

Баскаков. Ты свои куплеты для бедных береги.

Входит Лидия.

Баскаков (не видит ее). Ну, остался я в городе при немцах. А Владимир Иванович не остался?

Лида. Как вы смеее сравнивать?

Баскаков быстро обернулся, кланяется.

Вы отлично знаете, что тогда не успели увезти всех больных и отец не мог их бросить. Отец вел себя безупречно, а вы... (Уходит.)

Баскаков (глядя ей вслед). «По небу, полуночи ангел летел...» «А вы»... Ну, барышня, не договорила, а советская власть, пожалуй, доскажет. (Метнулся к телефону.) Ваня? Ваня, ты чернобурые помаленьку укладывай. Складывай, да. (Положил трубку. Идет к двери. На пороге.) Если придут милостыню просить, подавайте! (Ушел.)

Василий Максимович. Раз Баскаков про звезды вспомнил, значит, немцы закатываются,

Входит Лида.

Лида. Мама, я думаю, сегодня можно закрывать раньше. Василий Максимович, запирайте!

Василий Максимович. Слушаю. (Запирает входные двери.)

Лида берет с буфета блюдо, подходит к двери в кладовую, нарочно крепко нажимая, поворачивает выключатель, открывает дверь. В кладовой темно.

Лида. Опять не горит. Василий Максимович, сходите за монтером. Знаете, Арсеньев, сейчас за углом.

Василий Максимович. Может, я почию?

Лида (нетерпеливо). •Позовите Арсеньева (Меняя тон.) Пожалуйста.

Василий Максимович. Иду, иду (Уходит во внутреннюю дверь.)

Нюра. Зря вы за этим Арсеньевым посылаете.

Лида. Почему?

Нюра. Какой же он монтер! Два раза в кладовой свет чинил, а что толку?

Лида. Я вас очень прошу не вмешиваться не в свое дело.

Нюра. Ладно. Делайте «свое дело». (Ольге Павловне.) Я на кухню ужинать пошла. (Поет.) «Красотки, красоты, красоты кабарё» (Ушла.)

Лида. Мама, я здесь уберу, идите.

Ольга Павловна. Оставь, пожалуйста.

Лида. Вам надо отдохнуть.

Ольга Павловна. Что значит — отдохнуть? Ну, сяду я, лягу... Разве это отдых? Вот отец твой не идет из лечебницы...

Лида. Вы всю жизнь о чем-нибудь волновались.

Ольга Павловна. Да, волновалась. Но как, о чем? Я волновалась, когда у тебя горло болело, когда ты из гостей юпаздывала, я из-за плохо сшитого платья волновалась. Боже! Какое счастливое, какое спокойное волнение!

Лида. Идите, идите, мама!

Ольга Павловна. Куда ты меня вечно гонишь? Дай досказать! Мы еще живем гораздо лучше других.

Лида. Да, да, конечно.

Ольга Павловна. Я сказала — живем. Висим над бездной. И даже не висим и даже не над бездной...

Лида. Мама, я рассержусь!..

Ольга Павловна. Ухожу, ухожу... (Уходит.)

Лида включает радио.

Голос в радио. «Успешно отражая атаки русских, германские войска продолжают сохранять прежние позиции».

Лида выключает радио.

Входит Арсеньев. За ним — Василий Максимович. Кисть левой руки у Арсеньева перевязана.

Василий Максимович. Привел.

Лида. Здравствуйте. (Василию Максимови-

чуж.) Спасибо, Василий Максимович. Ступайте ужинать!

Василий Максимович уходит. Лида бросается к Арсеньеву и обнимает его.

Алеша! Что с твоей рукой?

Арсеньев. Пустяки, на работе.

Лида. Они уходят? Это правда?

Арсеньев. Должны уйти.

Лида. Прости, что я тебя позвала, но мне больше не у кого спросить... И еще: я не могу так долго не видеть тебя, ничего не знать о тебе. Мы так редко встречаемся. Наши встречи... «Свидания»... Господи! В лесу, где вместо деревьев огромные горелые щепки. У реки, по которой плыли мертвецы... А наше небо... Небо!.. Мы от него в подвалы прятались. А здесь... Алеша, забудем, что мы в этом проклятом кафе...

Арсеньев (обнимая Лиду). И немцев забудем?

С улицы один за другим слышны два выстрела.

Напоминают. Ничего. Скоро их не будет.

Лида. Скоро... Когда же?!

Арсеньев. Вот это мы и должны узнать. Мне пока не удалось.

Лида. погоди! (Указывает на потолок.)
Лейтенанту приносят все приказы.

Арсеньев (прислушивается, потом говорит громко). В кладовой перегорело?

Лида. Кажется, со штепселем что-то...

Арсеньев. Сейчас исправим. (Работает.)

Лида. Он живет в комнате, которая была моей. Ключи у меня сохранились.

За сценой шум.

Арсеньев. Сейчас будет гореть. Рука мешает. Подержите, пожалуйста.

Лида. Как у тебя руки огрубели.

Арсеньев. Мало огрубели. Когда приходится ночью по лесу, без дороги, перчатки надеваю.

Лида. Ты опять был в лесу? В отряде?

Арсеньев. Да. (Громко.) Теперь будет гореть. (Обнимает и целует Лиду.) Дорогая моя...

Лида. Не пропадай надолго!

Входит Ньюра.

Арсеньев. Ну вот, все в порядке. (Собирает инструменты.) До свидания.

Арсеньев идет к двери.

Ньюра. А платить мастеру за работу не надо?

Пауза.

Н ю р а. И монтер хорош: уходит без денег и даже выпить не просит.

Пауза.

А р с е н ь е в. Я вас не понимаю.

Н ю р а (Лиде). И вы напрасно каждый раз один и тот же штепсель ломаете. Мало ли что можно придумать! Ну, там водопровод испортился...

Л и д а (напряженно смеется). Вы какими-то загадками говорите...

Н ю р а. Ей, может быть, простительно, а вы, товарищ Арсеньев, взрослый, инженер...

А р с е н ь е в. Да, Арсеньев, но инженером не был.

Н ю р а. Извините. Значит, я другого Арсеньева знала. Очень похож. Только тот — инженер. Он перед самыми немцами за своей мамашей сюда приехал, а выехать не успел. Я в том же доме жила. Ну вот, в городе у нас этого Арсеньева не знали, он и скрыл свою квалификацию. Чтобы на немцев не работать. Теперь примуса, кастрюли починяет... Может, и еще что делает... Значит, это другой Арсеньев? Извините. (Идет к двери.)

А р с е н ь е в. Подождите. Вы не ошиблись, я — инженер Арсеньев. А теперь что скажете?

Н ю р а. А теперь вы в затруднительном по-

ложении. Если я своя — ничего, а если нет? Значит, я вас выдам. Значит, меня надо немедленно ликвидировать. А как? Кругом люди, и немец наверху живет.

Арсеньев. Стойте! Мне о вас говорили!.. Вы — Нюра Завьялова?

Нюра. Может быть.

Арсеньев. Савелий Михайлович — ваш дядя?

Нюра. Может быть. Вы, гражданин монтер, свет исправили?

Арсеньев. Исправил.

Нюра. Вместо денег выпить хотите?

Арсеньев. Позвольте. *(Берет рюмку.)*

Нюра. Рюмочку! *(Потрясая стаканом.)* Вот, вот какой стакан монтер схватит.

Арсеньев. Ваше здоровье! *(Пьет.)* Лида, это наш друг... Это...

Нюра. Ладно, ладно. Закуси, товарищ монтер, и ступай. *(Берет бутерброд и подает Арсеньеву. Помахивая салфеткой, отходит, напевая.)* «Красотки, красотки, красотки кабарэ...»

Арсеньев. Наша! Когда притти?

Лида. Завтра утром.

Арсеньев уходит. Лида подбегает к Нюре.

Нюра, простите, я не знала...

Н ю р а. А теперь что знаете? Ничего не знаете.

Л и д а. Мне казалось... у вас столько друзей офицеров...

Н ю р а. Я их и в глаза не видала. Фамилии, действительно, выучила: лейтенанта отпугаешь майором, а майора — полковником. Дисциплина у них еще сохранилась.

Л и д а. Но теперь вы не сердитесь? Я много обидного говорила.

Н ю р а. Один раз вы очень верно сказали, помните? Про черную змею в ящике.

Л и д а. Вас же тогда здесь не было!

Н ю р а. А я из кладовой подслушивала. Вы же ко мне присматривались, ну, и я к вам прислушивалась.

Л и д а. Понимаю. *(Пожимает Нюре руку.)*

Входит Ольга Павловна.

Ольга Павловна. Отец вернулся... *(Видит рукопожатие.)* Что это значит?

Л и д а. Вы можете говорить при ней все.

Ольга Павловна *(испуганно)*. Я вообще никогда ничего ни против кого не говорила.

Н ю р а. Вот и помалкивайте.

Из внутренней двери входит Владимир
Иванович.

Лида. Папа, как ты долго сегодня!

Ольга Павловна. Нюра, принесите Владимиру Ивановичу поесть.

Нюра. Сейчас. (Уходит.)

Владимир Иванович. Меня больные не отпускали.

Лида. А ты слышал?

Владимир Иванович. И я слышал, и они слышали. (Быстро ходит по кафе.) При обходе буквально каждый спрашивает: «Правда? Скоро?» Как будто от меня зависит «выписать» немцев из города.

Входит Дарлиц.

Дарлиц. Добрый вечер. Маленькая просьба. (Подает Владимиру Ивановичу бумагу.)

Владимир Иванович. Что это?

Дарлиц. Не откажите прочесть...

Входит Василий Максимович и занимает место у вешалки. Нюра показывается и останавливается в дверях. В руках у нее тарелка с ужином для Владимира Ивановича. Владимир Иванович то опускает, то вновь читает бумагу, слушая Дарлица.

Это обращение к согражданам! Не стану скрывать: возможно отступление. Командование желает, чтобы жители покинули город добровольно. Им будет предоставлена работа на Западе.

Владимир Иванович. При чем же гут [я]?

Дарлиц. Дочитайте!

Владимир Иванович. «...Я, доктор Казанцев, призываю вас верить германскому командованию и точно выполнить его предписания». Я? Я призываю?

Дарлиц. Вот именно. Вы — всеми уважаемый, честный человек.

Владимир Иванович. «Уважаемый», «честный» посылает людей [на немецкую...

Ольга Павловна. Володя!..

Дарлиц. Да, да, повлияйте на вашего супруга.

Владимир Иванович. Здесь еще я, «я»! Пугаю русских приходом Красной Армии. Это ложь, за которую меня расстреляют.

Дарлиц. Кто? Разве доктор собирается остаться?

Лида. Вы хотите его увезти от нас?

Дарлиц. О, нет, доктор поедет с семьей.

Ольга Павловна. Значит, и мы...

Дарлиц (замечает Нюру и жестом приказывает ей поставить тарелку перед Владимиром Ивановичем). Кушайте, кушайте, доктор!

Владимир Иванович (кричит). Вы глумитесь надо мной! (Меняя тон.) Господин лейтенант, обращение не достигнет цели. Вы

оставляете не первый, а чуть ли не последний русский город. Теперь у людей есть опыт. (Указывает на бумагу.) Они не поверят этому.

Д а р л и ц. Без вашей подписи — возможно.

Л и д а. Господин лейтенант!

Д а р л и ц (Лиде). Виноват. (Владимиру Ивановичу.) Или вы уедете вместе с семьей или вас погонят под конвоем.

В л а д и м и р И в а н о в и ч (прошелся по кафе). Предположим, что я готов дать свою подпись. Что вы предлагаете за эту услугу? Если я не подпишу, меня погонят в Германию под конвоем. Если я подпишу, меня повезут в Германию на машине. То есть, за предательство вы хотите покатасть меня на автомобиле. Опоздали: мне не пять лет, я старше. Что вы еще можете предложить?

Д а р л и ц. Спокойную жизнь в Германии.

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Где? У меня в лечебнице есть двое умалишенных... Предложите им, но за успех я не ручаюсь. Нет, господин лейтенант, вам нечем заплатить негодяю, нечем!

Д а р л и ц. Если вы откажетесь, мы можем вас расстрелять.

В л а д и м и р И в а н о в и ч. А если соглашусь, мне придется стреляться самому. Выбор.

бедный. У вас очень бедный и мрачный ассортимент.

Д а р л и ц. Довольно! Командованию нужно обращение, и оно будет. Подумайте! Я могу подождать. (*Выходя из кафе, Нюра.*) Советую и вам собираться.

Н ю р а. У меня давно все уложено.

О л ь г а П а в л о в н а. Всего ждали, только не этого...

В а с и л и й М а к с и м о в и ч. Владимир Иванович! Прекрасно! Я на вашем месте ответил бы то же самое!.. Хотя... не ручаюсь.

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Земля, земля из-под ног уходит... (*Согнувшись, идет к внутренней двери.*)

О л ь г а П а в л о в н а (*идя за ним*). Володя...

Лида метнулась за отцом, но остановилась.

В а с и л и й М а к с и м о в и ч. Приходили — страшно, а уходят — еще страшней.

Н ю р а (*обнимает Лиду и ведет ее до порога*). Арсеньеву скажите. И я со своей стороны подумаю.

В а с и л и й М а к с и м о в и ч. Всех, всех погонят. Вижу: дорога и мы под конвоем... Люди изнемогают, падают. Нюра, я себя знаю, я непременно первый упаду. Вот я лежу у канавы, подходит немецкий солдат с автоматом и...

Н ю р а. Не скули! Трус ты, что ли?

В а с и л и й М а к с и м о в и ч. Это не трусость. Это творческая фантазия. Погоди. Подходит с автоматом, а я из последних сил вырываю у него автомат и градом пуль осыпаю противника...

Н ю р а. Тебе сколько лет?

В а с и л и й М а к с и м о в и ч. Пятьдесят два.
А что?

Н ю р а. Я думала пятнадцать.

В а с и л и й М а к с и м о в и ч. Ты и не знаешь, сколько я подвигов в мечтах совершаю, сколько раз погибал героически.

Н ю р а. Тогда лечись.

В а с и л и й М а к с и м о в и ч. Дура ты, дура.

Входную дверь дергают, потом стучат.

Н ю р а. Закрыто, кафе закрыто!

Голос Пряжкина: «Нюрка, ты?»

В а с и л и й М а к с и м о в и ч. Пряжкин. Ей-богу, он.

Голос Пряжкина: «Дверь ломаю!»

Н ю р а. Впусти, а то он до утра шуметь будет.

Василий Максимович отпирает дверь. Входит Пряжкин. Он навеселе. Ему немногим больше двадцати лет; строен, одет щегольски; на руке — светлое пальто, на

голове — такая же шляпа. Пряжкин вытягивает руки вперед, обнажая этим движением запястья. И на правом и на левом — золотые часы-браслеты. Приложив кисти к кисти, он смотрит на часы.

Пряжкин. Рано закрываете.

Нюра. Чего вломился? Говорят, закрыто.

Пряжкин. Для Пряжкина нет запертых помещений. (*Глядит на Василия Максимовича, поднимает руку.*) Да здравствует великая Германия!

Василий Максимович (*вяло приподнимает руку, говорит жалобно*). Ну, да здравствует!

Нюра. Герой-подвижник.

Пряжкин (*тот же жест в сторону Нюры*). Великая Германия!

Нюра (*спокойно*). Ломаться пришел?

Пряжкин. Отвечай на приветствие!

Нюра. И не подумаю. (*Поворачивается и медленно отходит к стойке.*)

Пряжкин с угрожающим видом опускает руку в карман.

Василий Максимович. Валентин Макарыч! Валентин Макарыч!

Нюра (*так же спокойно Василию Максимовичу*). Позови-ка сверху моего лейтенанта, пускай он этого бродягу выбросит.

Пряжкин (сбавляя тон). Но, но... «лейтенант»... А я кто — знаешь?

Нюра. Валька-бандит.

Пряжкин (как бы не расслышав). Группен-фюрер.

Нюра. Я так и сказала.

Пряжкин наливает у стойки два стакана, подзывает Василия Максимовича, пьет с ним «на брудершафт», целует и хватает за горло. Отпустив испуганного Василия Максимовича, смеется на свою милую «шутку».

Пряжкин (развалиясь за столиком). Виски!

Нюра. Нет.

Пряжкин. Тоже... ка-фе!.. (Презрительно сморщился.) Ну, коньяк! И бифштекс по-тамбургски!

Нюра (совершенно спокойно). Бутерброды с сыром остались. Жрать будешь?

Пряжкин. Ты как говоришь с посетителем?

Нюра. С сыром подавать? А то брошу и уйду.

Пряжкин. Подавай.

Нюра небрежно ставит на стол коньяк и тарелку.

Это «сервис» называется?

Нюра. По барину и говядина.

Пряжкин. Как ты сказала?

Н ю р а. Оглох, что ли, от высокого положения?

П р я ж к и н. Сигару!

Н ю р а. Нету.

П р я ж к и н. Градусов! Сбегай в магазин, возьми сигары «Корона».

В а с и л и й М а к с и м о в и ч. Там, пожалуй, закрыто.

П р я ж к и н. Успеешь. Скажи: «Пряжкин прислал». Живо!

Василий Максимович берет с вешалки фуражку.

«Корона», других не курю! (Одновременно смотрит на часы на обеих руках.)

Василий Максимович ушел.

Н ю р а. А на ногах у тебя часов нету?

П р я ж к и н. На ногах нет, а... (Вынимает из жилетного кармана еще одни золотые часы на цепочке.)

Н ю р а. Тайный агент... Какой же ты тайный, когда от тебя на три сажени тикает!

П р я ж к и н. Люблю хронометры.

Н ю р а. Знаю. Недаром при советской власти за эту любовь тебе три года разлуки дали.

П р я ж к и н (указывая на Нюру). Господа, и она до сих пор жива! Господа, вы догадываетесь, почему я терплю ее выпады?

Н ю р а. Моих немецких поклонников боишься.

П р я ж к и н. «Боюсь»... Господа, вы слышите? Пряжкин боится!..

Н ю р а (*указывая в угол*). Кто это за тобой стоит?

П р я ж к и н (*мгновенно вскакивает и опускает руку в карман*). Где?!

В углу никого нет.

Тебе воон пугать, а не Пряжкина. (*Садится, пьет.*) Понимаешь, какой смелости требует моя профессия? Вчера ночью, например, в меня чуть не в упор стреляли.

Н ю р а. Жалко, что стрелки плохие попались.

П р я ж к и н. Да, неважные. Пряжкин истое-лял с большим успехом. Вот. (*Вынимает завернутую в бумагу перчатку.*) Он на бегу перчатку бросил. Левую лапу я ему все-таки прострелил.

Н ю р а (*вспоминая*). Левую?

П р я ж к и н. Я его до вашего района гнал. Скоылся. С завязанной лапой никого не видала?

Н ю р а. Тепеюь столько завязанных ходит...

П р я ж к и н. У меня и другие приметы есть. Я целую шайку подозреваю. Видала? (*Вынимает из кармана бумагу.*) Большой материал для командования готовлю. Завтра доложу.

Н ю р а. Нет, Пряжкин, тебе карьеры не сделать.

Пряжкин. Это почему же не сделать?

Нюра. Ну, ладно. Выпил, нахвастал, — и ступай!

Пряжкин. Нет, почему мне карьеры не сделать?

Нюра. Молод... Глуп... Ступай, ступай!

Пряжкин. погоди. Почему глуп? Ну, почему?

Нюра. Не бумагу подавать надо... а... Учить тебя, да? Проваливай!

Пряжкин. Стой!..

Нюра. Некогда мне здесь разговаривать.

Пряжкин. Тогда ко мне приходи. Сегодня вечером, а?

Нюра. Занята. Можешь проверить. (Показывает ему записку.)

Пряжкин (читает). «Гогольштрассе, 12. 10 часов вечера. Капитан Паульсен». Что ж, с ним и уезжать собираешься?

Нюра (убирает записку, говорит в раздумье). Он-то зовет, а как с немцем ехать? Повезет, а потом из машины и выбросит.

Пряжкин. И выбросит. Нюра, слушай, поедem со мной! Я же давно за тобой хожу. Мы вдвоем, э-э!

Нюра. Навстречу союзникам поедem?

Пряжкин. Ничего, в Европе где-нибудь затряхнемся. Я по карте смотрел, она извили-

стая. Брось капитана! Пойдем сейчас, вместе обговорим.

Н ю р а. С тобой пойдешь, а потом — звона...

Пряжкин. Ну, одна иди, следом за мной. Никто тебя не увидит. Сам и вприщуп и выпущу. Через двадцать минут выйдешь?

Н ю р а. Ладно.

Пряжкин порывисто обнимает и целует Нюру.

Красивый ты, Пряжкин!

Пряжкин. Говорят, да. Слушай, выходи через десять минут. Выйдешь?

Н ю р а. Может быть, я и сама тороплюсь.

Входит Василий Максимович, подает коробку.

В а с и л и й М а к с и м о в и ч. Извольте.

Пряжкин *(вынимает сигары, самодовольно закуривает)*. «Корона». *(Нюре.)* Сговорились?

Н ю р а. Сговорились.

На пороге Пряжкин хватает Василия Максимовича за горло. Смеется на свою «шутку».

П р я ж к и н уходит. Вся бодрость вдруг оставляет Нюру: она садится, руки повисли, голова опущена.

В а с и л и й М а к с и м о в и ч. Нюра, ты что?

Н ю р а. Устала.

З А Н А В Е С

А К Т II

Картина вторая

Продолжение того же вечера. Комната Пряжкина. Здесь наставлены вещи, взятые из разных домов. На шкафике рококо отличной работы — прекрасная ампирная ваза. Рядом с ней закоптелый, помятый металлический чайник. В углу на высокой выдвижной ножке лампа под розовым абажуром. На полу прислоненная к стене картина. На рыночную кушетку брошен дорогой ковер. На столе, рядом с хрусталем, консервы в открытых банках. У стола кресло, обитое старым светлым шелком, и обшарпанный венский стул. На полу новый чемодан. Вход в соседнюю комнату закрыт отвратительными зелеными шторами с помпонами. За темной занавеской — единственное окно. Большой кусок краски на стене осыпался, обнажив штукатурку.

Пряжкин кончает накрывать на стол. Напевает.

Пряжкин. Свой уголок я убрала цветами,
Та-ра-ра-та-ри-ри-ра-ри...

Минуты мне казались часами...

(Одновременно смотрит на часы на обеих руках. Наливает в стакан вино. Ставит на стол узкий графин.)

Я вас ждала...

(Что-то мешает стоять графину прямо.) Стой, собака!..

А вы, вы все... (Выпивает.)

Не придет — голову оторву. (Прислушивается, открывает дверь.) Нюра, ты? Входи! (Впускает Нюру, закрывает дверь.)

Нюра осматривается кругом.

Видишь, какая у меня обстановка? (Указывает на шкаф.) Вот это барахло «рококо» называется. (Указывает на вазу.) А может, это рококо... Все равно пропадет. А эта картина из музея. Знаменитого художника. Фамилию забыл. Ну, черт с ним.

Нюра. Окно во двор? В нижнем этаже жить не боишься?

Пряжкин. В Америке на меня еще пулю отливать не начинали.

Нюра. А там у тебя что?

Пряжкин. Спальня амбир. Пойдем покажу
(Обнимает Нюру.)

Нюра. Погоди. А стол для других гостей накрыл?

Пряжкин. Виноват. Господа, к столу. (Наливает вино.) Вино... как его... одним словом на «ш». В вашем паршивом кафе такого нету Нюра, а я помню, когда ты еще ученицей на завод поступила. Тогда ты была здорово советская. А теперь с немцами...

Нюра. Что с немцами?

Пряжкин. Скажешь, ты не за немцев?

Нюра. Нет.

Пряжкин. А за кого?

Нюра. За себя. Понял? За себя.

Пряжкин. Господа, она права.

Нюра. О деле говорить будем?

Пряжкин. Первое правило: не доверяй женщинам!

Нюра. Ну, вот сиди и не доверяй, а я пошла...

Пряжкин. Куда?

Нюра. Домой. Хожления по улицам сороминут осталось. (Берет со стола свою сумочку.)

Пряжкин. Нет, твоего гости до утра (Указал на спальню.) Амбир посмотришь.

Нюра. Буду я с пьяным мальчишкой разговаривать.

Пряжкин. Ну, ладно, ладно. Извиняюсь. Положи сумку.

Нюра (*кладет сумку на стол*). Уезжать вместе со мной не раздумал?

Пряжкин. Господа, она кокетничает. (*Хочет обнять Нюру.*)

Нюра (*отстраняется*). Когда едем?

Пряжкин. Надо последнюю операцию выполнить.

Нюра. Какую?

Пряжкин. Связистов между городом и лесом ликвидировать.

Нюра. А ты их знаешь?

Пряжкин. Подозреваю. (*Вынимает из кармана бумагу.*)

Нюра. Покажи.

Пряжкин. Зачем тебе?

Нюра. Николаевский в списке есть? Слепцов есть?

Пряжкин. Какой Слепцов?

Нюра. Значит, я больше знаю. Ну, не хочешь вместе работать — не надо.

Пряжкин (*подает список*). На, на, смотри!

Нюра (*отстраняет бумагу*). Держи про себя. Нет, Пряжкин, тебе карьеры не сделать. И ехать с тобой... не знаю... С таким пропадешь. Я думала, ты человек изобретательный...

Пряжкин. По-твоему, нет? А ты знаешь,

что я изобрел? Беззвучную мину замедленного действия. *(Вынимает из другого кармана несколько листов.)* Вот она — мина в пяти экземплярах с печатями. Гляди! *(Читает.)* «Список секретных сотрудников гестапо». Восемь персон.

Н ю р а *(читая список)*. С ума сошел? Здесь все советские люди.

П р я ж к и н. Ага! Сама признаешь, что советские? Правильно. Значит, они из города с нами не пойдут. Кто-нибудь словчится, спрячется. Так?

Н ю р а. Ну?

П р я ж к и н. Вваливается в город Красная Армия. *(Хлопает по списку.)* Эти из щелей вылезут: «Ура! Спасители!» Ну, поцелуй, слова разные... А под них мина подведена. Один экземпляр я оставляю в гестапо, другой — в полиции, третий — ну, хоть здесь. Стой! Думаешь, вот так чистые бумажки и положу? Нет! Учись: один экземпляр надорву, другой, скажем, с угла подпалю маленько. Значит, немцы хотели уничтожить, но не успели! Понятно? *(Хлопает по списку.)* А пока эти с красноармейцами: «Христос воскрес! Воистину» — списки-то и найдут. Хоть один-то найдут? «Вы, что же, в гестапо работали?» А-а-а! Пускай докажут, пускай докажут, что не работали!

Они-то три года праздника ждали, немцев презирали, ни разу не жрали досыта!.. Изобрели не изобрел? Ваше мнение, господа?

Нюра (опускает голову на стол, потом выпрямляется.) И это ты сам, сам придумал?

Пряжкин. А то нет? (Обнимает Нюру.) Мы с тобой далеко будем, а тут она и взорвется.

Нюра. Вижу, ты вырос, ох, как вырос!

Пряжкин. А ты говоришь... Пойдем, Нюра. (Гянет ее за руки.) Но помни: если будешь мне изменять, то только по делу, с моего разрешения.

Нюра. Я до самой твоей смерти на шаг от тебя не отойду.

Пряжкин. Ладно. Верю. (Ведет Нюру к смежной комнате.)

Нюра (останавливается на пороге). Там темно.

Пряжкин. Сейчас осветим. (Протягивает руку за портьеру.)

Нюра выхватывает из-за пояса небольшой нож и ударяет Пряжкина. Пряжкин падает. На полу из-под занавески видны только его рука и плечо. Нюра бросает нож, наклоняется к Пряжкину, вынимает из его карманов бумаги, прячет их на груди, встает, растерянно оглядывается. Услыхала, как звякнула рама окна, замерла на месте. Не спуская глаз с окна, отступает к наружной двери. Вот колыхнулась занавеска. Нюра

выскальзывает из комнаты и закрывает дверь. Оконные занавески раздвигаются. В комнату входит крепко сложенный человек лет пятидесяти и сейчас же сдвигает за собой занавески. Заложив руку за борт пиджака, он стоит несколько секунд, осматривая комнату. Видит Пряжкина. Человек изумлен. Осторожно подходит, нагибается над Пряжкиным.

ЗАНАВЕС

Картина третья

Утро следующего дня. Кафе. Дарлиц завтракает. Перед ним с бутылкой в руке стоит Баскаков.

Баскаков. Вы — человек деловой, я тоже не спортом занимаюсь, разрешите говорить прямо, по-солдатски. *(Наливает в рюмку, стоящую перед лейтенантом.)*

Дарлиц. Говорите!

Баскаков. Как я понимаю, германские войска собираются отсюда перейти на другие позиции.

Дарлиц. Какие позиции?

Баскаков. Ну, на заранее подготовленные. Я не дипломат, я — негодьянт. Из города вы уходите? — Уходите! Так вот, возьмите меня с собой.

Дарлиц. Город должны покинуть все.

Баскаков. Мне со всеми не интересно. Это что же? Пешком? Среди враждебного элемента? Знаете, какие у нас люди! Они меня при первой ближайшей возможности... Нет, разрешите мне на машине уехать. (*Наливает лейтенанту.*)

Дарлиц. Вы многого хотите.

Баскаков. Как же много? Я три года в вас верил, три года лояльность высказывал, а прошу всего три часа на машине проехать. Вы мне жизнь дали, а спасти эту жизнь не желаете. Позвольте, где же популярная немецкая логика? Кем я был до вас? Мелкий узелок в местной торговой сети. А с вашим приходом во мне все жизненные инстинкты проснулись. Я стоимость вещей почувствовал. На любом предмете ярлычок с ценой вижу. На луне восемьдесят четвертую пробу различаю! Я же европейцем стал! И вдруг — со всеми, пешком! Нет, позвольте мне на машине, с вещами уехать!

Дарлиц. С вещами?

Баскаков (*наливая лейтенанту*). Вы не беспокойтесь! Трюмо или там комода я не повежу. У меня товар мягкий — меха!

Дарлиц. Меха?

Баскаков. Меха. Лисьи шкуры. Шкуры желаю спасти: полтораста чернобурых и одну свою.

Д а р л и ц. Почему же я должен вам помогать?

Б а с к а к о в. Правильно! Вам угодно стимул получить? Пожалуйста! (*Снимает с пальца и подает Дарлицу кольцо.*) Перстень. Почти фамильный. Носите до самой смерти. Я без намеков говорю.

Д а р л и ц (*рассматривая кольцо*). А вы не дешево цените свою...

Б а с к а к о в. Шкуру-то? Ай, господин обер-лейтенант, господин обер-лейтенант! Торговаться будем, да? Извольте! Сверх кольца еще пяток чернобурых прикину. Что-нибудь особенное. Можете сами выбирать. Отсюда до меня пять минут хода. Угодно?

Д а р л и ц. Хорошо. Идем. (*Идут к двери.*)

Б а с к а к о в. Господин обер-лейтенант, только пяток выбирайте, больше не надо. А то аппетит является во время еды, как говорят не совсем побежденные французы.

Дверь юткрывает и придерживает вошедший с улицы
В а с и л и й М а к с и м о в и ч.

(*Пропускает немца вперед.*) Битте! (*Уходят.*)

В а с и л и й М а к с и м о в и ч. Последние дни живем, а я в дурацкой шапке двери открываю.

Из внутренней двери входит Н ю р а. Она очень озабочена. Осматривает стойку буфета, стулья, столики.

Н ю р а. Василий Максимович, ты не помнишь, я вчера отсюда с сумкой или без сумки ушла?

В а с и л и й М а к с и м о в и ч. А тебе непременно с сумкой в руках помирать надо?

Н ю р а. Может быть, я ее здесь оставила? Ты не видал? И паспорт мой там!.. /

В а с и л и й М а к с и м о в и ч. На что теперь паспорт? Погибать можно и без паспорта.

Н ю р а. Помолчи... «Положи сумку»... Говорил он или не говорил? Не помню, ничего не помню. Неужели у Пряжкина? Или на улице уронила?

Входит капитан Паульсен. Он явно с похмелья. Подходит к стойке, указывает на одну из бутылок.

Нюра наливает. /

П а у л ь с е н. Почему вы вчера не пришли?

Н ю р а. Адрес потеряла.

П а у л ь с е н. О-о! Адрес вы положили в сумочку!

Нюра напряженно смотрит на Паульсена.

Где ваша сумочка? *(Указывает на бутылку.)*

Нюра наливает.

Почему у вас руки дрожат? *(Пишет в блокноте.)* Дайте сумочку, я сам положу в нее адрес.

Может быть, вы и сумочку потеряли? Ха! Где вы были вчера вечером, а? Я знаю, вы вчера были у одного молодого человека. О, вы не побоялись полковника Берга. Вы не пошли ко мне, но пошли к другому. Я угадал? Не отрекайтесь!

Н ю р а. Ну, берите, ведите меня.

Па у л ь с е н. Дорогая, днем я занят по горло. Приходите вечером, и у вас будет прекрасная французская сумка. *(Бросает на стойку деньги и уходит.)*

Н ю р а *(трет лицо)*. Ух ты, боже мой!.. Я думала — он знает.

В а с и л и й М а к с и м о в и ч. Никогда я тебя такой не видел.

Н ю р а. Василий Максимович! Я вчера... Ну, все равно... Мне здесь нельзя оставаться. Скажи Лиде, скажи...

Входная дверь открывается.

Вот юни... За мной... *(Выбегает во внутреннюю дверь.)*

С улицы входит Савелий Михайлович, волоча за собой мешок с картошкой.

В а с и л и й М а к с и м о в и ч. Савелий Михайлович! Никак ты картошку привез?

С а в е л и й М и х а й л о в и ч. Ее самую. А что?

Василий Максимович. Нашел время! Картошку живым возят. А мы... Неужель не видишь, что на моем лице написано?

Савелий Михайлович. Так, на взгляд — ничего не написано.

Василий Максимович. Значит, у тебя душа неграмотная, вот что...

Савелий Михайлович. Погоди артиста представлять. Говори, как человек с человеком: почему вам картошка разнадобилась?

Василий Максимович (не без позы). Наши часы сочтены.

Савелий Михайлович. Кто сосчитал?

Василий Максимович. Высшее германское командование!

Савелий Михайлович. Все-таки «высшее»... И тут нашел, чем похвастаться. Да что случилось-то? Хоть перед смертью скажи попошнее.

Василий Максимович. Немцы уходят.

Савелий Михайлович. Ну?

Василий Максимович. И нам велят уходить.

Савелий Михайлович. А вы не слушайте!

Из-за внутренней двери выглядывает Нюра, потом бросается к Савелию Михайловичу.

Нюра. Дядя Савелий!

Савелий Михайлович указывает на потолок.

Василий Максимович. Ушел. (Кивает на Нюру.) С ней что-то делается.

Савелий Михайлович. Сейчас посмотрим. Василий Максимович, сделай одолжение, выйди на время.

Василий Максимович (обиженно). То есть куда выйти, зачем выйти?

Савелий Михайлович (сдержанно). Если бы тебя немец за дверь послал, небось пулей выскочил бы, а я одолжения прошу: выйди на время.

Василий Максимович. Старичный валкс «Лесные тайны». (Уходит.)

Нюра. Ты знаешь, что случилось?

Савелий Михайлович. Знаю. (Подает ей сумку.) На, не тревожься! Документов оставлять не следует.

Нюра остолбенела.

Больше ничего не забыла?

Нюра. Ты был там? Зачем?

Савелий Михайлович. За тем же, Анята, за тем же. Только немного против тебя опоздал. Вот сумку захватил, ну, и стаканчик твой прибрал.

Нюра. Так это ты, ты в окно стукнул?

Савелий Михайлович. Задел немного.

Нюра обнимает Савелия Михайловича, потом резко отходит, садится к столику и плачет.

(Гладит ее по голове, по плечу.) Будет, будет...

Нюра (всхлипывая). Вам хорошо... В лесу сидите, черти... Подрались, постреляли и опять в лес. На зеленой земле живете, небо видите... Костры раскладываете. А меня в это проклятое кафе послали... Немцев обслуживаю.

Савелий Михайлович. Знаю, все знаю.

Нюра. А вчерашнее, думаешь, так, просто?

Савелий Михайлович. Все понимаю. И я не к тому готовился. Всю жизнь на земле, на огородах работал. А что с моей землей сделали? А если мы тебя сюда послали, сама виновата: деозкая, ну, и лицом приятная.

Нюра (сквозь слезы). Не подлизывайся!

Савелий Михайлович. Ну, будет, не маленькая!

Нюра. Не маленькая... Я и так здесь самая старшая, всех утешать должна, а мне и по-советоваться не с кем и пожаловаться некому. (Передает Савелию Михайловичу бумаги.) Вот вчера у него взяла. Во-время взяла, сам увидишь.

Савелий Михайлович. Благодарю
мы тебя после будем. Недолго осталось. Только
бы знать, когда уходить будут.

Нюра. А если узнаю?

Савелий Михайлович. Через Федю
передай. Он нас найдет.

С улицы вбегает Василий Максимович.

Василий Максимович. Сегодня ночью
Пряжкина убили! Сейчас рассказывали. В соб-
ственной квартире. Ведь только вчера вечером
здесь был, с тобой ругался, меня за сигарами
посылал. Да-с, мы с тобой его обслуживали...
(С завистью.) А вот нашелся настоящий чело-
век, не побоялся и... Герой? — Герой!.. Что ж
вы не удивляетесь? Ведь только вчера вече-
ром...

Савелий Михайлович. Покричи, по-
кричи, что вечером его видел!..

Василий Максимович. А что?

Савелий Михайлович. Притянут.

Василий Максимович. Понял. Молчу.

Входит Арсеньев.

Нюра. Этого монтера знаешь?

Савелий Михайлович. Встречались.
Да что здесь только немцам подают или и нам
можно?

Нюра. Садитесь за служебный. (Отходит за стойку, наливает кофе.)

Василий Максимович. Может быть, мне опять за дверь выйти? Опять «лесные тайны»?

Савелий Михайлович. Не по времени ты обидчивый.

Василий Максимович демонстративно отходит к двери.

(Тихо.) Ну? Когда уходят?

Арсеньев. Пока не узнал. О Пряжке я слышал.

Савелий Михайлович (передает бумаги). В его бумагах и мы оба помечены.

Арсеньев (пожимая руку Савелию Михайловичу). Смело сделал, Савелий Михайлович.

Савелий Михайлович. Не я сделал.

Арсеньев. Не ты? Кто же?

Савелий Михайлович. Вон та ба-рышня.

Арсеньев встает, делает шаг к Нюре. Савелий Михайлович его удерживает.

Нюра. Алексей Николаевич, вы Лиду видели?

Арсеньев. Нет.

Нюра (ставит на стол кофе). Она к вам бежать хотела. Доктора нашего выручать надо. Из внутренней двери вбегает Ольга Павловна. За нею входит Владимир Иванович.

Ольга Павловна. Я больше не могу! Савелий Михайлович, вы все-таки нас знаете, вы нам картошку возили... Не то, не то... Помогите, посоветуйте... Ведь все... и пекари и музыканты...

Владимир Иванович. Оля, я прошу тебя...

Ольга Павловна. Он готов умереть, только бы никого не беспокоить.

Арсеньев. Что случилось?

Ольга Павловна не может говорить.

Нюра. Немцы велят Владимиру Ивановичу бумагу подписать, чтобы наши люди с ними уходили.

Арсеньев. Что же вы ответили?

Владимир Иванович. Если б я согласился, мы бы к вам не обращались.

Арсеньев. Простите, доктор.

Входит Лида.

Владимир Иванович. Сегодня этот офицер о вчерашнем больше не упоминал. Правда, он запретил мне выходить из дома...

Савелий Михайлович. А вы его не слушайте: перебирайтесь всей семьей ко мне на огороды. Меня дома вряд ли застанете, там старуха вас примет. *(Протягивает руку Владимиру Ивановичу.)*

Ольга Павловна. О! Как мне вас благодарить!.. Я готова чучелом на огороде сидеть, только бы из этой мышеловки... из этого стеклянного ящика с этой... змеей. О! Я опять не то говорю.

Лида. Идите, мама, собирайтесь.

Ольга Павловна и Владимир Иванович уходят. Стоящий до сих пор у двери Василий Максимович подходит к столу.

Василий Максимович. А меня оставляете? Конечно, я особой художественной ценности не представляю, но с точки зрения человеческой гуманности...

Савелий Михайлович. Давай, давай на огороды. Только шапку смени.

Василий Максимович уходит.

Арсеньев. Лида, вы меня искали? Из-за отца?

Лида. Да. И еще... *(Смотрит на Савелия Михайловича.)*

Арсеньев. Говорите.

Лида. Вчера я нашла немецкий приказ.

Арсеньев (указывая вверх). У него?

Лида. У него. Немцы оставляют город двадцать четвертого в двенадцать часов.

Савелий Михайлович. Значит, послезавтра в полдень. Алексей Николаевич, мы с тобой сегодня из города выйдем, а к двадцать четвертому все здесь будем. С немцами пообщаться придется. (Прощается с Лидой и Ньюрой.) Сумочку не забудь. (Выходит из кафе.)

Нюра уходит во внутренние комнаты. Арсенев задерживается у двери, потом подбегает к Лиде.

Арсеньев. Лида! (Обнимает ее.)

Лида. Сколько раз я с тобой прощалась! И вот опять. Нет, нет, я не прощалась с тобой... Я становлюсь суеверной. Ты слышишь! Я не прощаюсь!

Арсеньев. Хорошо, дорогая. Ну, мне пора.

Лида. Алеша, погоди... А твоя рука? Она же повреждена, это мешает. Ты можешь не ходить. Ты вообще не должен идти!

Арсеньев (тихо, укоризненно). Лида... Лида...

Лида. Прости. До свиданья, родной мой! (Коротко обнимает Арсеньева.)

Арсеньев уходит. Несколько секунд Лида одна.
Входит Баскаков.

Баскаков. Здравствуйте, Лидия Владимировна. А швейцар где? Почему за буфетом никого нет? Извините, глупо спросил, по привычке. (*Подходит к стойке, пьет.*) Посетителей никого?

Лидия. Почти никого.

Баскаков. Закрывать надо. (*Машет рукой.*) Без меня обойдется. Это маленькое кафе закроют большие события. Вы чем-то расстроены? Хотя теперь все расстроены: кто от страха, кто от радости. Вы рады? Ждете?

Лидия. Очень рада, очень жду.

Баскаков. Спасибо за честный ответ. Вас я не подведу. А кого я подвел? Когда подвел? И вот приходится уходить. С этой, с бывшей германской армией.

Лидия. Зачем же?

Баскаков. Слишком торговал на фоне народного бедствия. (*Выпивает.*) Мы с детства как немцев себе представляли? Аккуратные. Мастера были, механики. Очки, рояли чинили. Скажет — в пятницу и сделает, сукин сын, в пятницу. А у этих какая специальность? Бандиты, неврастеники. Не умеешь побеждать — не берись. А теперь до чего и себя и, главное, меня довели!.. Сзади — русские, спереди — англо-американцы!.. Ох, теснота, ох, теснота!.. Арийцы... Мне с ними только вы-

ехать, потом я к нейтралям перебегу, в Швейцарию. Там — тишина, люди часы, шоколад с молоком делают, а главное — в тебя не стреляют. *(Вынимает из кармана футляр.)* На горькую память обо мне примете?

Лида. Нет, спасибо.

Баскаков. Так я и думал. *(Выпивает.)* Помните? В прошлом году я вашей руки просил... Хамство, нахальство! *(Размахивается, чтобы бросить бокал об пол.)* Разбей бокал — в нем нет вина! *(Осторожно ставит бокал на стойку.)* Эх, ничего я больше не скажу, ничего я больше не сделаю! *(Идет к двери. На пороге.)* Кто накормит, кто напоит, боже добрый, сироту? *(Уходит.)*

Из внутренней двери появляется голова Василия Максимовича.

Василий Максимович. Лидия Владимировна, бежимте скорей: у меня предчувствие. *(Скрывается.)*

Входит Нюра.

Нюра. Идите. Там Ольга Павловна волнуется.

Лида выходит. Нюра укладывает в чемоданчик съестное с буфета. Входит Мышеловский.

Н ю р а. Не до тебя, Мышеловский, некогда, некогда.

М ы ш е л о в с к и й. Я проститься пришел.

Н ю р а. Рано что-то прощаешься. Ну, ладно. Ты не жди: плакать не стану, не видеть бы вас вовсе.

М ы ш е л о в с к и й. Нюра, я же не немец, я наполовину...

Н ю р а. Убьют тебя, Мышеловский, и на половину не посмотрят. Ты жить хочешь?

Мышеловский вздыхает.

Тогда... (*Поднимает руки.*) Понял? Ну, ступай... А если когда свататься соберешься, с автоматом к невесте не ходи, а с цветами, с конфетами.

М ы ш е л о в с к и й. Я не буду за другой девушкой свататься. Завтра пройду в последний раз, взгляну на это окошко...

Н ю р а. Завтра? погоди, вы когда из города уходите?

М ы ш е л о в с к и й. Запрещено говорить.

Н ю р а. Это вам, дуракам солдатам, запрещено, а я от одного капитана знаю: 24-го, в 12 часов уходите.

М ы ш е л о в с к и й. Это верно, это было. Теперь отменили. Теперь — завтра.

Н ю р а. Врешь! Мне-то можешь сказать?

Мышеловский, оглянувшись, достает бумажку — выписку из приказа, показывает Нюре.

А что я здесь пойму?

Мышеловский. Вот цифры: 23.8.

Н ю р а. Завтра уходите? Все уходите?

Мышеловский кивает.

(Метнулась, возвращается, подталкивает Мышеловского к двери.) Прощай, Мышеловский, прощай!.. Да прощай же!.. *(Закрывает дверь за Мышеловским.)* Как же теперь? Федю, Федю искать!

Входит Владимир Иванович. За ним, на пороге — Л и д а.

Л и д а. Отец, надо торопиться!

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Мне необходимо позвонить в лечебницу.

Н ю р а. Лида, все переменилось! *(Бежит и вместе с Лидой скрывается в дверях.)*

Владимир Иванович набирает номер. В кафе входит нищий художник. Владимир Иванович опускает трубку.

Х у д о ж н и к. Доктор Казанцев, ты — подлец! Вы — подлец!

Владимир Иванович, приложив пальцы к груди, медленно и вопрошающе подходит к художнику.

Художник. Об этом кричат стены!

Владимир Иванович. Вы нездоровы!..
(Наливает воду в стакан.)

Художник. Каждый перекресток кричит:
доктор Казанцев — подлец! (Бросает скомкан-
ную бумагу и выходит.)

Владимир Иванович поднимает листок, разворачивает.

Владимир Иванович. Это подлог!..
Не позволю!.. (Бросается вон из кафе.)

З А Н А В Е С

А К Т III

Картина четвертая

Продолжение того же дня.

Улица. Разбитые и рухнувшие стены домов. Остов печи. Груды щебня, за ними — сломанное дерево с одной зеленой веткой. В печи — огонь. На нем котелок. Возле огня человек пять бездомных. На щебне под деревом сидят Коля и Зина. Рядом лежит скрипка в футляре.

Коля. Зина, я уверен, когда-нибудь музыканты напишут и сыграют нашу жизнь, наши мученья и надежды и все это. (Указывает кругом.) Ты знаешь, даже самая страшная жизнь может превратиться в прекрасную музыку. Иногда кажется: вот, вот я ее услышу. Зина, мы вечером уйдем, а там...

Зина. Я боюсь итти.

К о л я. А здесь не боишься?

З и н а. Они нас поймают.

К о л я. Да нет! Федя мне совершенно точно рассказал всю дорогу. Через два дня мы вернемся, а здесь уже наши будут.

З и н а. А что для тебя при немцах было самое страшное?

К о л я. Когда они на регистрацию вызывали. Нет, когда ночью брали заложников.

З и н а. А для меня другое. Еще в самом начале. День был солнечный, солнечный... Я шла по мосту, а два немецких солдата нагнулись над перилами, курят и разговаривают. Так спокойно, так обыкновенно разговаривают. Потом один плюнул в воду и другой тоже. Нет, нет, они без всякого значения, просто так плевали. И вдруг мне представилось, что немцы всегда здесь останутся. Я тогда шла и от тоски спотыкалась. Ты в колдовство веришь? Нет, ты не веришь: а я колдую. Надо вот так, крепко, крепко закрыть глаза и говорить. Только всей душой, всеми силами: «Приходите скорей, приходите скорей...» И тогда они слышат.

К о л я. Я тебя очень люблю.

Входит Ф е д я. Это парень-подросток на костылях.

Одна нога согнута и безжизненна.

В руке — пачка сигарет.

Федя. Лучшие германские сигареты фирмы Неуербург! Лучшие сигареты!.. (*Проходя мимо печки.*) Фабрике-кухне почтение. (*Поровнялся с Колей и Зиной.*) В парке культуры-отдыха по-сиживаете? В зеленом городке?

Коля. Федя, Федя!

Федя останавливается.

Ты говорил — сначала итти вдоль шоссе?

Федя. Поди сюда.

Коля подходит.

Чего орешь? Вот я тебе долбану костылем в голову. Дорогу не запомнил? Может, тебе на стенке план нарисовать?

Коля. Нет, я запомнил, запомнил.

Федя. Тогда кури и молчи! (*Дает Коле сигарету, уходя, выкликает.*) Лучшие германские сигареты фирмы Неуербург!

Коля (*Зине*). Не бойся. Я дорогу помню!

Входит Нюра.

Нюра. Ты Федю не видал?

Молчание.

Федя здесь не проходил?

Коля. Спросите у своего шущмана.

Нюра. У меня дело очень важное, понимаешь?

Коля. Я в ваших делах не участвую.

Зина. Не приставайте к нам, мы вас не трогаем.

Коля. Он полчаса тому назад в ту сторону пошел. (Указывает в противоположном направлении.)

Нюра идет, ее окликает женщина.

Женщина. Что, сладкий кофий допили? Линяют твои господа, повсеместно линяют. Чего встала? Все равно не боюсь, теперь твоя очередь бояться.

Нюра. Сказала бы я... (Уходит.)

Женщина (кричит вслед). Нечего тебе сказать, нечего!

Входят два немецких солдата с листами и ведерком. Наклеивают один лист на стену, идут дальше. Все приближаются, читают листок. К ним присоединяются двое прохожих.

Мужчина. Всем собираться в казарме.. Велят с немцами уходить.

Женщина. Так мы их и послушали.

Мужчина. Кого их? Тут доктор Казанцев подписался.

Коля. Это не так, это невероятно.

Первый прохожий. Может быть, его заставили?

Коля. Его не могли заставить! Он бы не согласился! Я его знаю.

Женщина. Если доктор Владимир Иванович, значит, правда, значит, уходить надо.

Второй прохожий. Здесь говорится, что он и сам с немцами уходит.

Вбегает Владимир Иванович, поднимает руку, но первые секунды не может говорить от волнения.

Владимир Иванович. Товарищи! (Указывает на лист.) Это — ложь! Это — гнусная ложь! Да, меня принуждали, но я отказался. Я отказался. Они это сделали без меня!.. Они думали, я побоюсь, не посмею протестовать!.. Знайте: это — подлог! Я никогда не подписывал вот этой... вот этого... (Срывает листок со стены.)

Вбегает Нюра.

Нюра. Владимир Иванович, сюда патруль идет!.. Владимир Иванович...

Владимир Иванович. Они могут убить меня, но это им не поможет. Им больше ничего не поможет! Прячьтесь, уходите в леса!

Вбегают двое солдат, берут и ведут Владимира Ивановича.

Немецкий солдат. Все в казарму!

Владимир Иванович. Не слушайте их, не ходите!

Его уводят. Площадь мгновенно пустеет. Коля и Зина становятся за печную трубу. Входит Федя.

Н ю р а (бросается к нему). Федя, я тебя везде ищу. Сегодня, как стемнеет, иди в отряд, доберись во что бы то ни стало. Передай: немцы уходят не 24-го, а завтра, завтра в восемь утра. Завтра в восемь.

Ф е д я. Сделаю.

Н ю р а (смотрит в сторону). Опять они! Уходи!

Федя идет, опираясь на костыли. Появляется второй патруль — двое. Один останавливается около Нюры, другой окликает Федю.

Е ф р е й т о р. Стой!

Федя продолжает идти.

Стой! (Догоняет.)

Ф е д я (ноет). Ну, вот... Чего вам? Я — убогий, разве вы не видите — сигареты продаю... Вот, пожалуйста, закуривайте... Не желаете, как желаете... а я пойду. (Хочет уйти.)

Ефрейтор вырывает у него костыли. Федя садится на корточки, опираясь о землю руками.

Н ю р а. Господин ефрейтор!

Ефрейтор подходит.

Почему меня задержали?

Е ф р е й т о р. В казармы!

Н ю р а. Меня в казарму?! Вы что? Вчера

из Берлина, что ли? Я с капитаном Паульсеном уезжаю. Он мне две записки прислал. *(Показывает записку.)* Читайте: его рука? Его адрес? Пойдемте к капитану, нет, пойдемте! Он вам такую казарму покажет! Какой части? Как фамилия? Ладно, ступайте, я вас прощаю.

Пока Нюра показывала солдатам записки, Федя бросился, как со старта, и, ничуть не хромя, убежал без костылей. Нюра идет в одну сторону. Солдаты поворачивают в другую, не находят Феди. Ефрейтор со злобой бросает костыли. Солдаты осматривают улицу, влезают на кучу щебня, замечают Зину и Колю. Жестами приказывают им выйти на дорогу.

Ефрейтор *(берет Зину за руку)*. Идем!
Коля. Отпустите, отпустите ее, мы сами придем!

Ефрейтор отталкивает Колю.

Зина. Коля!

Коля вцепился в ефрейтора, но другой солдат снова отталкивает его. Коля уронил скрипку. Ефрейтор и Зина скрылись за углом. Солдат загородил дорогу, взял карабин наизготовку. Коля бросается на солдата, тот стреляет и скрывается. Коля падает. Через несколько секунд возвращается Нюра. Наклоняется над Колей, приподнимает его голову.

Нюра. Коля... Коля... Дурачок ты мой... Железная маска... *(Поднимает скрипку.)*

З А Н А В Е С

Картина пятая

Раннее утро следующего дня. Кафе. Стулья перевернуты и поставлены один на другой. Темная занавеска криво поднята до половины. Во внутреннюю дверь осторожно входит Нюра, за нею — Василий Максимович. Он в изнеможении опускается на стул.

Василий Максимович. Вчера надо было сразу на огороды итти. А все Владимир Иванович... Геройствовать побежал. Я вот тоже хочу геройствовать, однако сдерживаюсь. Уж один патруль сюда стучался. Куда теперь денемся?

Нюра. Молчи!

Василий Максимович. Господи, Никола-угодник! Богородица дево, радуйся!.. Нет, я антирелигиозные куплеты сочинял. Мне бог не поможет!..

Нюра. И правильно сделает. (В дверь.) Лида, Ольга Павловна...

Лида выводит Ольгу Павловну.

Василий Максимович. Мы из-за Владимира Ивановича не ушли, а теперь погибаем.

Нюра. Если останешься жив, самому стыдно будет.

Ольга Павловна. Его убили. Зачем вы от меня скрываете?

Л и д а. Нюра, скажите вы,— мне она не верит.

Н ю р а. Ольга Павловна, ну, вот, ей-богу! Вчера все на моих глазах было: его в казарму повели. Солдаты и не поняли, что он там кричал.

О л ь г а П а в л о в н а. Тогда и я пойду в казарму.

В а с и л и й М а к с и м о в и ч. Вот, пожалуйста.

О л ь г а П а в л о в н а. Я хочу быть вместе с ним, пустите меня!..

Л и д а. Мама, милая, я сама, не знаю, что делать!

О л ь г а П а в л о в н а. Пустите меня!

Н ю р а. Хотите его участь облегчить? Чтоб он не только за себя, а и за вас мучился? Прятаться, здесь прятаться надо.

Л и д а. Где же здесь?

Н ю р а. В кладовую, в подвал.

В а с и л и й М а к с и м о в и ч. А если искать станут?

Н ю р а. Не здесь же, у него на дороге, сидеть. *(Указывает на потолок.)*

В а с и л и й М а к с и м о в и ч. А вдруг они дом взорвут?! Нюра! *(Тянет ее в сторону.)* А может, на самом деле— в казарму? А там по пути нас и освободят, а?

Н ю р а. Еще с тобой няньчиться? Тебя убаюкивать? Ну, ступай, отправляйся! Да ты один и на улицу боишься выйти.

Наверху шум.

Слышите? Пора.

Л и д а. Идемте, мама, идемте. (Уводит Ольгу Павловну в кладовую.)

Н ю р а (Василию Максимовичу). Ну? Оставайся. (Входит в кладовую и прикрывает дверь.)

В а с и л и й М а к с и м о в и ч (бежит следом). Нет, нет, и я с вами!.. (Вбегает в кладовую, закрывает за собой дверь.)

За сценой голос Дарлица: «Эй, кто-нибудь!.. Госпожа Казанцева!.. Лида!..»

Д а р л и ц входит; он в шлеме, в походной амуниции. За Дарлицем — Мышеловский с офицерским чемоданом. Ставит его у дверей, оглядывается, берет с буфета салфетку. Дарлиц толкает ногой дверь в кладовую. Дверь распахивается.

Д а р л и ц. Эй! В доме никого? Их увели? Мышеловский. Мне неизвестно, господин обер-лейтенант. В комнатах никого нет. (Кладет салфетку, берет брошенный на стул маленький белый фартук.)

Д а р л и ц. Зачем вам эти тряпки?

Мышеловский вздыхает и бережно кладет фартук.

Осмотрите кладовую и подвал. Если найдете хоть одну живую собаку — застрелить!

Мышеловский. Слушаю. (Уходит в кладовую.)

Дарлиц (берет телефонную трубку). Господин Баскаков? Мы выезжаем через десять минут. Торопитесь! Да, в кафе.

Кладет трубку. С улицы стучат в дверь. Дарлиц отпирает. Входит капитан Паульсен.

Паульсен. Машины сейчас будут. Скверный знак.

Дарлиц. Вы о чем?

Паульсен. Скверный знак: русские дают нам спокойно уйти из города. Следовательно, на западе смыкают окружение. Ну, что ж, выпьем за победу. Момент, кажется, подходящий. (Наливает.) За победу!

Дарлиц. Вы верите в победу?

Паульсен. Я ее иногда даже вижу. Но только на самом дне бутылки. (Пьют.)

Входит Мышеловский.

Дарлиц. Ну?

Мышеловский. Господин обер-лейтенант, в подвале никого нет.

Дарлиц кивает на внешнюю дверь, Мышеловский выходит.

Паульсен. Скажите, Отто, вы умеете что-нибудь делать? Представьте: мы останемся живы и вернемся домой, ну... не совсем победителями...

Дарлиц. Что я умею делать? Командовать, взрывать, стрелять в кого угодно.

Паульсен. Родных у вас нет?

Дарлиц (*пренебрежительно*). Тетка. Так, старуха в линялом лиловом платье. (*Зло.*) Но даже она не простит нам поражения.

Паульсен (*наливает*). В таком случае — за победу!

Дарлиц (*бешено*). Господин капитан!..

Паульсен. Ну, черт с вами, пейте за тетку.

Дарлиц. Ошибка в том, что мы воевали слишком гуманно.

Паульсен (*кашляет и опускает бокал, из которого пил*). Что? Я подавился.

Дарлиц. Да, больше, во сто крат больше ужаса. Тогда бы мир забыл о сопротивлении!

В дверь с трудом протискивается запыхавшийся Баскаков. На плечах у него объемистый тюк, в руке — небольшой чемоданчик. Баскаков сваливает тюк на пол, вытирает голову платком.

Баскаков. Доброе утро, господин обер-лейтенант. (*Паульсену.*) Здравия желаю. (*Рекомендуясь.*) Попутчик. Берете посошок на

дорогу? Хорошая старая традиция. (Огляды-
вается.) А служащие мои?

Дарлиц. Их увели в казарму.

Баскаков. И Лидию Владимировну? Ба-
рышня здесь была такая.

Дарлиц. Вероятно.

Баскаков. Значит, и ее? Та-ак...

Дарлиц. Вы недовольны распоряжением
командования?

Баскаков. Что вы, я доволен. Выше го-
ловы доволен. Разрешите узнать, чего ждем?

Дарлиц отводит Паульсена в сторону и тихо говорит
с ним, кивая на Баскакова, который, севши на свой
тюк, с напряженной улыбкой следит за офицерами.
Слышно, как за окном подъезжает и останавливается
автомобиль. Входит солдат.

Паульсен. Это моя машина. (Указывает
солдату на тюк.) Возьмите.

Баскаков. Значит, я с вами поеду?

Паульсен. Вы поедете с обер-лейтенантом.

Баскаков. Позвольте, как же так? Гос-
подин обер-лейтенант?.. Господин рядовой...
Не хватайте!.. Вещи в одной машине, я — в
другой... Где же логика?

Дарлиц. Через две минуты вы поедете со
мною.

Солдат снова берется за тюк.

Баскаков. Обождите, господин рядовой! Куда чужое добро тянете! Господин обер-лейтенант, я не могу с багажом порознь. Мы как уговаривались? Я плюс вещи. Вместе, в одной машине!

Паульсен (солдату). Выносите! (Выходит.)

За ним солдат несет тюк. Баскаков за него держится.

Баскаков. Позвольте досказать!.. Я покорнейше протестую! (Скрывается.)

Дарлиц. Мышеловский!

С улицы входит Мышеловский.

Поджечь дом и вернуться сюда!

Мышеловский идет во внутреннюю дверь. С улицы входит Баскаков.

Баскаков. Уехали... Увезли... И шофер у них вроде как пьяный; только и знает, что законного владельца в грудь толкать. И по какой дороге они поедут? Еще разминемся...

Дарлиц ходит из угла в угол.

(Выглядывает в окно.) Вот она — машина. Господин обер-лейтенант, время, ей-богу, время.

Дарлиц (кричит во внутреннюю дверь). Мышеловский!

Баскаков. Чего еще ждем? Поедемте! В городе никого не остается. Вот-вот русские застукают. Может быть, вы из-за военной доблести погибнуть желаете? (Кричит.) А я — штатский негодяй! Знал бы — с таким героем не связывался. Давайте ножками в машину!

Дарлиц. Мышеловский!.. Провалился... (Резко поворачивается к Баскакову, указывает на чемоданчик.) Это что?

Баскаков. Где?

Дарлиц. В чемодане.

Баскаков. Ну, мыло, ну, полотенце: дорожная гигиена.

Дарлиц. Покажите.

Баскаков. Какой вам интерес смотреть на чужую зубную щетку, не понимаю...

Дарлиц. Дайте. (Берется за чемоданчик.) Ого, щетка тяжелая.

Баскаков (не выпуская чемодана). Господин обер-лейтенант, да вы что задумали?

Дарлиц. Уберите руки! (Вынимает пистолет.)

Баскаков. Здесь последнее, кровное!.. (Тихонько, жалобно кричит.) Ка-ра-ул! (Пятится.) Не стреляйте... Уделите внимание... Берите половину и поезьте.

Д а р л и ц. Вы никуда не поедете. Вон отсюда! *(Поднимает пистолет.)*

Баскаков, расставив руки, пятится к двери.

Б а с к а к о в *(негромко)*. Был у Христа-младенца сад... *(Выходит, не поворачиваясь к Дарлицу спиной.)*

Д а р л и ц. Мышеловский, Мышеловский!

В дверях — Б а с к а к о в.

Б а с к а к о в. Ворюга! *(Скрывается.)*

Д а р л и ц. Мышеловский! А, черт!.. *(Хватает свой чемодан и чемодан Баскакова, быстро выходит.)*

Слышно, как отъезжает автомобиль. Несколько секунд кафе пустое. Медленно открывается дверь кладовой. Входит Н ю р а и осторожно пробирается к окну. Не отрывая глаз от окна, она протягивает руку в направлении кладовой, но ничего не может сказать, только глотает воздух. Наконец, выговаривает сначала тихо и хрипло, потом кричит.

Н ю р а. Русские!.. Русские!..

З А Н А В Е С

Картина шестая

Ранний солнечный вечер того же дня. Кафе. За столиком — два русских офицера. Вокруг них сидят и стоят: Ольга Павловна, Лида, Нюра, Владимир Иванович, Василий Максимович и Арсеньев. Волнение после пережитого еще не улеглось. Все говорят в повышенном тоне, иногда перебивая друг друга.

Несколько голосов (одновременно). Скажите... Скажите... А правда, что в Ленинграде?.. Позвольте мне спросить!..

Старший лейтенант. Товарищи! Я вам о России два часа рассказывал. На первый раз хватит.

Ольга Павловна. О, я понимаю, мы совсем замучили господина обер-лейтенанта!

Старший лейтенант. Вы лучше мое звание на русский лад переведите.

Ольга Павловна. О, простите, господин старший лейтенант.

Старший лейтенант (смеется). Еще чуть-чуть переведите, и будет верно.

Лида. Мама, «товарищ старший лейтенант».

Ольга Павловна. О, я понимаю!

Лида. Не говорите «о»!

Ольга Павловна. Что же тогда остается говорить? «О» — совершенно советская буква! (Старшему лейтенанту.) Вы...

Старший лейтенант. Меня Иван Ивановичем зовут. Устраивает?

Ольга Павловна. О. совершенно устраивает. товарищ обер-лейтенант.

Младший лейтенант. Мамаша у вас все еще немного оккупированная.

Ошибки Ольги Павловны особенно забавляют Василия Максимовича.

Василий Максимович. Оккупированная! Верно! А что вы думаете? Дорогие мои!.. Я здесь швейцаром был. Так вот, меня все время к двери тянет. Ну, не могу от дверей отойти, да и только! И еще: сейчас я без фуражки, а галуны на голове чувствую. Эти галуны мне зигзагом в мозги врезались.

Младший лейтенант. Теперь позвольте мне спросить. Ведь я родился в этом городе. учился мальчишкой. Школа моя на Лесной целая?

Владимир Иванович. Школы нет.

Младший лейтенант. А ведь я вас, товарищ доктор, знаю. И дом, где вы тогда жили. Еще сад был при доме. И особенно, извините, собаку вашу помню. «Цыган» звали. Злая, чорт, была.

Владимир Иванович. Откуда же такие подробности?

Младший лейтенант. Я в ваш сад за орехами лазал.

Ольга Павловна. Очень приятно! Когда же это было?

Младший лейтенант. Да лет девять-десять назад.

Ольга Павловна. Позвольте, позвольте... А стеклянную дверь на балконе не вы разбили?

Старший лейтенант. Влетел!

Младший лейтенант. Не я, ей-богу, не я! Это кирпичиной Колька Семенов. Он теперь батальоном командует.

Лида. Такой день, а мы глупости говорим.

Ольга Павловна. Вы меня перебили. Я хотела предложить гос...

Нюра. Правильно! Лида, поработаем еще раз официантками. Теперь от души. Товарищи командиры, вас чем угощать?

Василий Максимович (хватает со стойки бутылки). Как чем?! Вот, вот!

Нюра. А тебе этого «вот-вот» не довольно?

Нюра, Ольга Павловна и Лида выходят.

Василий Максимович. Дорогие мои!.. Три года не прикасался. Я с горя никогда не пью. Зато сегодня, в день великого германского затмения, разрешите! (Наливает вино.)

Владимир Иванович. Когда наши внуки будут читать об этих годах, они, пожалуй, многого не поймут.

Василий Максимович (*восторженно кричит*). И слава богу, если не поймут! Я помню: во втором классе мне досталось отвечать про смутное время в семнадцатом веке. И вот я барабанил! Да звонко, радостно!.. «В осажденной Москве жители питались травой, а матери от голода поедали своих собственных детей!» Что я понимал? Ничего. Понимал, что мне пятерку поставят, и радовался. А если бы по-настоящему в историю проник, я бы с двенадцати лет несчастным стариком был! Товарищи внуки! До конца не вникайте!

Старший лейтенант. Хорошо. Тогда вы во втором классе были, а потом?

Василий Максимович. А потом из третьего меня уволили. Мать, помню, плакала, отец порол... Ох, счастливое время! Ваше здоровье!

Ольга Павловна, Нюра и Лида вносят наполненные тарелки и ставят их перед офицерами.

Ольга Павловна. Володя, поди и отдохни; тебя же сегодня расстреливали.

Владимир Иванович. Да, вот такой бытовой фразы внуки, пожалуй, не поймут.

Старший лейтенант. Значит, Савелий Михайлович в последнюю минуту подоспел?

Владимир Иванович. В последнюю. Немцы нас уже согнали с дороги на обочину и...

Ольга Павловна. Не рассказывай: тебе сегодня больше нельзя волноваться. (*Офицерам.*) А вы знаете, я считала Савелия Михайловича простым огородником. Он нам картошку привозил.

Лида. Мама...

Ольга Павловна. Ну, да, я даже с ним торговалась. И вдруг он — начальник отряда и он спасает моего мужа? Товарищ обер-лейтенант, слушайте! И в том же отряде вот этот молодой человек, монтер. И, оказывается, этот монтер — жених моей дочери!

Владимир Иванович. Оля...

Ольга Павловна. Я не успеваю как следует удивиться: оказывается, он не монтер, а инженер! А вот эта Нюра, оказывается, вовсе не Нюра, то есть, она, конечно, Нюра... но...

Нюра. Ольга Павловна, не обижайтесь, а все-таки вас не добомбили.

Ольга Павловна. От меня всегда все, все скрывали, товарищ младший лейтенант. (*Последние слова выговаривает тщательно.*)

Василий Максимович. И от меня

тоже. Даже подвиги потихоньку от меня совершали. А я был готов.

Несмело входит Зина. Останавливается у порога.

Ольга Павловна. Ты что, девочка?

Зина поворачивается, чтобы уйти.

Нюра. погоди, погоди минуту!

Зина. В этом кафе служил мой товарищ. Коля. Он на скрипке играл. *(Подходит к эстраде.)* Он вот здесь играл. А я иногда с улицы слушала. Я сейчас уйду.

Нюра. Куда ж ты пойдешь? У тебя есть кто-нибудь?

Зина отрицательно качает головой, садится на эстраду и низко склоняется.

(Подбегает, садится рядом.) Послушай, послушай... *(Оборачивается к остальным, кричит.)* Ну, что я ей скажу!.. *(Зине.)* Никуда ты не пойдешь, оставайся! Ольга Павловна, ее накормить надо.

Ольга Павловна. Да, да, конечно.

Зина *(встает)*. Приходите скорей, приходите скорей... Пришли!

Нюра. Ты поешь, отдохни, там подумаем. *(Уводит Зину.)*

Ольга Павловна идет за ними.

Василий Максимович (офицерам). Тут мальчик был, Коля... (Тихо говорит с военными.)

Арсеньев (подходит к Лиде). Лида, нам придется еще раз попрощаться. Здесь у меня ничего не выйдет. Сегодня великий день, а мне нехорошо. Слишком много накопилось при немцах. Завтра буду проситься в армию.

Лида. Алеша...

Арсеньев. Нет, ты не станешь, ты не можешь меня отговаривать.

Лида. Я так ждала этого дня... Я думала, что теперь...

Арсеньев. И я так думал. Оказывается, рано. Понятно?

Лида. Да.

Арсеньев. Спасибо, дорогая, спасибо. (Громко.) Василий Максимович, что ж вы не наливаете?!

Василий Максимович. Я не наливаю?! Да господи!.. (Хватает бутылку.)

С улицы входит Баскаков. Одет в старую куртку, фуражку и поношенные сапоги. Оглядел присутствующих, кланяется офицерам.

Баскаков. Приветствовать не решаюсь. Старший лейтенант. Вы кто?

Баскаков. Бывший владелец (жест) по-

мещения. Негоциант. То есть торговал, не считаясь со временем. Разрешите вопрос: здешних немцев всех переловили?

Старший лейтенант. Живых — всех.

Баскаков (на секунду оживляясь). А в ихних машинах тючок и ручной саквояжик вот такой не попадались? Хотя вопрос теперь устаревший. Я зашел, собственно, другое спросить: где советская комендатура помещается?

Старший лейтенант. Вот это по существу. Первая улица направо, № 8. (Кивает младшему лейтенанту. Тот быстро выходит из кафе.)

Баскаков. Бывшая Гогольштрассе. Благодарю вас. (Кланяется Лиде, идет к двери.)

Из внутренних комнат выходит Нюра.

(Приостанавливается.) Нюра, сегодня скатертки надо бы чистые постелить.

Возвращается младший лейтенант. За ним на пороге боец.

Старший лейтенант (указывая на Баскакова). Проводите в комендатуру.

Баскаков вытягивается и, подражая военному шагу, выходит из кафе. Боец — за ним.

Василий Максимович (машинально

закрывает за Баскаковым дверь). Тьфу! Ну, вот, притягивает меня эта дверь проклятая! (Двери.) Отвяжись! Я больше при тебе не состою! (Входит на эстраду.) Вот мое место! Товарищи, посвящаю свое первое выступление освободителям последнего русского города. (Потирая руки, прохаживается по эстраде.) Привет, друзья! Привет, друзья! (Декламирует.)

Перевыполнив задание,
Я, свободный от забот,
Поспешаю на свиданье,
Где меня подруга ждет.
— Здравствуй, Клава, как работа?
Обними и отвечай!
— Выше нормы, больше ста! —
Шепчут жаркие уста.

(Берется за голову.) Какая ужасная халтура! Но нет у меня достойного репертуара. Нет. Выпьем так.

Младший лейтенант. Чудной старик, ей-богу!

Старший лейтенант. Ну, для нас этот город не последний. Для нас еще работы осталось.

Возвращается Ольга Павловна.

Ольга Павловна. Она заснула. И во сне лицо такое несчастное...

Старший лейтенант. Мы шли, челове-

ческой беды насмотрелись. В каждом городе, в каждой деревне...

Владимир Иванович. А мы так устали, что еще и не сознаем всего счастья, которое вы принесли.

Ольга Павловна. Взять хотя бы одно: вот из этой двери больше никогда, никогда немец не появится. }

Из внутренней двери входит Мышеловский.
Ольга Павловна падает на стул.

Нюра. Мышеловский!

Он кладет карабин на стойку, делает шаг вперед и подымает руку.

(Ободряюще.) Вот, вот так... Где же ты был?

Мышеловский. Во дворе был, за дровами сидел.

Старший лейтенант. Почему раньше не вышел?

Мышеловский. Я ждал, когда отдохнут, покушают.

Старший лейтенант. Ага, вежливым стал.

Нюра. Это Мышеловский. Он давно в плен стремится.

Старший лейтенант. Проводите!

Младший лейтенант указывает Мышеловскому на дверь и выходит за ним.

Н ю р а. Ничего, Мышеловский, там разберутся.

Старший лейтенант (Нюре). Ну, а вы что делать собираетесь?

Н ю р а. Жить! Мы по человеческой жизни вот так истосковались! Зеленой земли хочу, ясного неба... И работать хочу... и танцевать, и чтобы мне цветы дарили... Ох, я жадная!.. Что я еще думала? Да! Здесь после Коли скрипка осталась. Он все о нашей жизни пытался сыграть. Не успел. Только струны пробовал. Я хочу, чтобы нашелся другой музыкант и со всей душой сыграл и о нашей горе и о великой нашей радости.

З А Н А В Е С

